

УДК 37.0

Идеал как фактор формирования культурно-образовательного пространства¹

Культурно-образовательное пространство рассматривается в статье как воспитательный ресурс формирования социокультурной идентичности подрастающего поколения. Высказывается и обосновывается предположение о том, что идеалы, выступая в роли мемов — ключевых образов — носителей и ретрансляторов культурных смыслов, являются фактором формирования культурно-образовательных пространств различной мерности и векторности развития.

Ключевые слова: культура, культурно-образовательное пространство, идеал, прогноз, мем, мемофонд, социализация, воспитание, общественное воспитание.

Культурно-образовательное пространство — среда развития личности человека (разного возраста, необязательно молодого). Это и важнейший воспитательный ресурс формирования социокультурной идентичности подрастающего поколения. Его создают отношения людей, этнических, профессиональных и социально-классовых групп, материальная и духовная инфраструктура жизненной среды, ее основные и дополнительные социальные институты, объекты связи и управления, национальная символика и разнородные артефакты культуры, этика и воспитательная составляющая жизнедеятельности. Разве самим фактом своего существования культурное пространство замка Тауэр не влияет на формирование социокультурной идентичности британца? А Московский Кремль разве не имеет воспитательной функции, да еще многовековой, при характеристике русского и российского национально-государственного самосознания?

В нашем развернутом высказывании (не претендующем, впрочем, на всестороннее определение понятия культурно-образовательного пространства) мы

Г.Ю. Беляев

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00088а «Изменяющаяся теория воспитания: проблемы и перспективы развития».

хотели бы прояснить роль, значение и социально-воспитательную перспективу важнейшего, по нашему мнению, фактора или средства, с помощью которого культурно-образовательное пространство создается или воссоздается, развивается или распадается. Это идеал. Разве не несут культурные пространства имплицитной миссии воспитательных идеалов, причем в самые различные по ценностям и смыслам исторические эпохи (например, Москвы и Кремля в годы 1612, 1812, 1918, 1941-й)? Риторичен вопрос или ответ на него?

Говоря о воспитании, на бытовом практическом уровне сознания и опыта люди имеют в виду некие идеалы, существующие в повседневном житейском быту, в семье, в культуре поведения как примеры, образцы для подражания. Вместе с тем подразумевается и формирование неких достаточно прочных ценностных идеалов у своих детей, которым нормальные родители желают хорошего и безопасного личного будущего, в идеале — счастья в личной и семейной жизни на основе каких-то ценностей, то есть опять-таки идеалов. Это верно, хотя и в неполной мере, и на уровне собственно научных, то есть теоретических, рассуждений, предположений, умозаключений и выводов. Родители прогнозируют будущее своих детей через эталоны поведения, культурные стереотипы — о них отдельно скажем ниже. Идеал похож на прогноз? Да, суть явления видится в этом. Уникальную социокультурную роль идеала — двигателя воспитания как общественного явления сформулировал Л.Н. Гумилев: «Идеал — далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном уровне» [1, с. 183]. По Л.Н. Гумилеву, общественный идеал — это и есть прогноз, дальний прогноз развития общества и его потребностей. Идеал равен дальнему социальному прогнозу, как идеал = прогноз. Этот прогноз отражает образование, а выражает его — воспитание, выражает как общественное явление, адаптирующее общество к его собственному прогнозу. Соответственно, каково общество, таковы и его идеалы как прогнозы его дальнейшего развития. Таково и образование в обществе как система и моральное отношение к воспитанию разнообразных потребностей и практических задач, стоящих перед обществом, социальным индивидом и личностью. Общество же складывается из личностей, с их базовыми жизненными (витальными), социально-перспективными и духовными потребностями. Следовательно, здоровье общества — здоровье физиологическое, здоровье психическое, здоровье психологическое, здоровье социальное, здоровье моральное, его адаптационные резервы и качество дальнего прогноза состояния жизнедеятельности определяет, по существу, воспитание человека обществом и общества — человеком.

Суть воспитания как общественного явления состоит именно в этом — в целенаправленном закладывании идеалов в сознание и поведение нового, вступающего в жизнь поколения. В культурно-образовательном про-

странстве смыслов и ценностей как в среде развития личности происходит понимание и усвоение идеалов, закладывающих основы социокультурной идентичности в мировоззрение и нравственность нового поколения, воспитание бережного, то есть этического, нравственного, отношения к этим идеалам и сотворчества со старшими поколениями в их дальнейшем воспроизведении. Казалось бы, данное утверждение — почти что общее место. Однако видимость банальной простоты и скучной ясности обманчива. На самом деле именно здесь, в этом совершенно неоднозначном явлении кроются достаточно тонкие и сложные механизмы природной и культурной наследственности. Неоднозначен сам факт культурного наследования, тем более интересно понять, как устроен «процессор» этого «ретранслятора», а также узнать, почему это явление происходит вопреки многим неблагоприятным для этого обстоятельствам внешней среды обитания, выяснить, что является фактором формирования уникального мета-объекта, называемого культурно-образовательным пространством и его собственно воспитательной составляющей.

Культура — совокупность социально наследуемых поведенческих образцов, эталонов, символов, смыслов, стереотипов. Это особая форма и норма наследственности человеческих сообществ. Это исторически сложная социально-духовная среда со многими, явными и скрытыми смыслами деятельности: «Культура и есть образ мира и способность ориентироваться в этом мире, чтобы в нем действовать и его переделывать» [5, с. 9—11]. Воспитание как общественное явление — функция культуры, и вот почему.

Уже весьма прочную историю в науке имеет фундаментальная методологическая идея о двух каналах передачи информации, благодаря которым существует биологически и развивается социально и культурно все человечество как вид. Первый канал — генетический — возник вместе с самой жизнью. Он роднит современное человечество как единый биологический вид со всем остальным животным миром. Механизмом передачи в первом канале информации выступают наследственность и изменчивость. Формирующиеся на их основе динамические стереотипы служат естественно-биологическим фактором адаптации животных и человека к среде обитания, мощным средством условно-рефлекторного поведения.

Второй канал передачи информации — культурный или культурно-генетический — присущ только человеку. Он лингвистический, языковой, речевой. Его основой является, по И.П. Павлову, вторая сигнальная система — язык, речь, речевое мышление, связывающее язык и речь в неразрывное и непрерывное диалектическое единство (дихотомию) [8]. Культурный канал информации представляет собой исторически многообразные системы знаков и значений, образов и символов, закрепленных и оформленных в культуру как среду развития социальной общности и социаль-

ного индивида. Значение этого канала информации раскрывается блестяще в исследованиях А.Р. Лурия [6, с. 66—68, 238, 287].

Должны существовать особые материальные носители, трансляторы и ретрансляторы информации — и в первом, и во втором ее каналах. И они существуют! Биологической единицей передачи наследственной информации является ген. Совокупность генов называется геномом, совокупность генов в популяции — генофондом. Они также изменяются, эволюционируют. В 1976 году британский исследователь Ричард Докинз (Dawkins) в своей книге «Эгоистичный ген» высказал гипотезу о том, что любая культурная информация состоит из базовых единиц — мемов, точно так же как биологическая информация состоит из системных наборов генов и генами же передается (транслируется). «Человек — единственное живое существо, на которое преобладающее влияние оказывает культура, приобретенная в результате научения и передачи последующим поколениям», — пишет Докинз [2, с. 9—11].

Мем — единица трансляции культурной информации, им может быть кодовое слово (шиболет, пароль), мобилизующее сознание и поведение людей, лозунг, пробуждающий и сберегающий родовую память, образ, вызывающий к жизни идеал красоты и веры, архитектурный прием, повторяющийся из поколения в поколение, нравственная заповедь, сигнал к атаке и прочее. Кроме того, у генов и мемов существуют особые точки сборки — это нейронные сети головного мозга, удивительные пространства пересечения биологического и социального, природного и духовного, материального и идеального, субстрата мысли и ее образов, эйдосов и смыслов. Здесь — область пока не постигаемого наукой: не чем мыслит человек, а как — как мысли распространяются мемом по нейронным узлам и сетям организма. Тайны того, как думает, мыслит человек сам себя и окружающий его мир и как появляется его идеал и мысль о нравственном (или безнравственном). Любая «мыследеятельность» в этом смысле всегда материальна — она составляет современникам и оставляет потомкам некий «образ мира» в мышлении, сознании, поведении, при этом мемы, формирующие культурное пространство, также подвержены естественному отбору, как и гены [2, с. 9—11].

Концепт мема, по сути, восходит к идеям культурно-исторической школы Л.С. Выготского и А.Р. Лурия. Успешность воспроизводства зависит от окружающей культурной среды и от наличия культурных агентов мемов, конструирующих ту или иную социокультурную реальность. Кто эти агенты? Родичи, родители, старейшины, старцы, жрецы, наставники, учителя... Сегодня к их числу прибавились такие коллективные агенты социализации, как СМИ, соцсети, неформальные сообщества ровесников — носителей и преподавателей кросс-культурной информации в одном поколении (Маргарет Мид назвала это новое для культурно-образовательного пространства явления конфигуративной культурой).

В культуре мемофонды играют ту же роль, что и генофонды в биологии и антропологии, это их аналоговая метасистема. Конструирование культурно-образовательной реальности — это и есть социализация. Однако ее собственно воспитательную составляющую (то есть вектор целенаправленной и ценностно-ориентированной социализации) формирует и задает фактор идеала. *Получается, что идеал — это мем, несущий особые смыслы и ценности воспитания как общественного явления. Образовательная среда — формально неструктурированное «депо» или «меню» мемов разного уровня организации и содержательно-смысловой векторности.* Само же воспитание следует рассматривать как целенаправленное формирование условий, то есть особого, ценностно-ориентированного пространства для благоприятного развития личности. Весь вопрос — какой именно личности, с какой ментальностью, ценностями, идеалами, программами поведения и правилами жизнедеятельности.

Полемиически скажем: так было всегда, даже начиная с зари первобытных охотников за мамонтами в Костёнках и художников в кроманьонских пещерах Ласко и Альтамира. Личность — это отнюдь не изобретение психологов XX века, и личностью обладает не только наш современник. Личность феноменологически существовала всегда: не только личность фараона Эхнатона, но и личность любого вождя, жреца, целителя, ремесленника, любого общинника. Мифология создана личностью человека, индивидуальной и коллективной. Ими же создавались культурно-образовательные пространства.

Вся история — история постепенной и противоречивой индивидуации сознания, мышления, поведения человека. Повреждение и разрушение первого канала информации в конечном счете ведет к злокачественным изменениям сообщества, его необратимой биологической деградации и депопуляции (то есть к биологическому вырождению). Повреждение и разрушение второго канала информации в конечном счете ведет популяцию к тому же печальному итогу, но через утрату смыслов жизнедеятельности, через утрату культурной способности мыслить и говорить на родном языке, понимать и передавать детям различные формы, средства и способы организации жизненного опыта. Прекращение процесса воспитания как направленной социализации ведет данное общество к социальной катастрофе.

Практически доказано, что становление второго, собственно человеческого канала передачи информации давалось человечеству с огромным трудом и стоило сотен тысяч лет противоречивой эволюции, в ходе которой, скажем, трудовые навыки обработки каменных орудий то усложнялись до первобытной виртуозности, то катастрофически упрощались, огрублялись, а то и утрачивались на какое-то время. Прекращалось подражание в главном и в малом, социальные навыки утрачивались с негативными изменениями в стереотипах социального поведения, старики высме-

ивались или убивались за ненадобностью, а с прекращением воспитания опускался, дичал и вымирал весь род.

Требовалась известная, упорная, долговременная социальная шлифовка форм коллективного сознания и поведения, с тем чтобы человек оставался человеком и, оформляясь природно-биологически, этнически, оформлялся бы и культурно, фактором культурной адаптации, фактором воспитания, то есть становясь объектом или субъектом *этого культурно-образовательного пространства*. И стихийно и целенаправленно наследуется все противоречивое многообразие житейского опыта. Это стало возможным благодаря особому механизму адаптации — культурному или культурно-поведенческому стереотипу. Именно он дополнил стереотип условно-рефлекторный, так называемый динамический, раздвинул до некоторой неизвестной беспредельности «вселенную человеческого познания» посредством поистине уникального человеческого качества — рефлексии и саморефлексии по отношению к актам любой деятельности, по отношению к факту самого мышления. Так стало эволюционно возможно устойчивое, расширенное воспроизводство средств, способов, орудий труда и самого человека со всем исторически известным многообразием форм общественно-исторического сознания. В этом же русле культуры как целевой и ценностно-ориентированной направленной адаптации человека к среде обитания родилась игра — как особая деятельность по нормативной символической социализации в соответствии с правилами и обычаями культурной среды. Стихийная социализация порождает общение. Общение создает отношения. Отношения оформляются в направленную социализацию — воспитание, воспроизводство человека. Воспитание сыграло и продолжает играть определяющую роль в процессе лабильной кросс-культурной адаптации человека не только к условиям какой-то одной среды обитания, но и к другим, «инаковым», но психологически понятным, комплиментарным культурным мирам. Именно поэтому племена сливались или объединялись в народности, народности становились нациями, нации смогли образовать то, что Л.Н. Гумилев назовет суперэтносами [1] — например, «русский мир» Евразии (образовавший Россию), «христианский мир» Западной Европы (прообраз современного Европейского союза). Здесь перед нами культурно-образовательные пространства высочайшей мерности и сложности внутренней организации. Суперэтносом стала и совершенно уникальная историческая общность — «советский народ» с его системой идеалов-мемов, сумевших морально дискредитировать и политически уничтожить гитлеровскую военно-пропагандистскую машину.

Есть генофонд нации, но есть и ее мемофонд. От воспитания, как общественного явления, зависит, станет ли этот мемофонд живым и творческим, либо превратится в склад залежалых уцененных товаров. Идеалы, как и семейные реликвии, хранятся из поколения в поколения, это не предмет для вульгарно толкуемых торгово-рыночных отношений. Идеалы — это

своеобразные ментальные конструкции, на пустом месте, как правило, не рождающиеся. Они не просто связаны с основными смыслами и ценностями этноса, всего жизненного уклада общества и государства, идеалы формируют основу уникальной социальной ткани связей, отношений жизнедеятельности, которую можно назвать культурно-образовательным пространством. Его роль в «сбережении народа» и его жизни, а значит, в жизни каждого из нас трудно переоценить. Назовем, к примеру, различные по объему содержания и уровням общественного служения идеалы. Идеал матери, идеал защитника Отечества (понятен смысл праздников). Идеал честного труженика, идеал русского интеллигента, идеал рабочего. Идеал ученого (близок образ М.В. Ломоносова). Идеал священнослужителя или монашествующего (преподобный Сергей Радонежский). Идеал общественного деятеля (не для всех однозначен), идеал государственного человека или «отца отечества» (то же самое). Идеал товарищества (проникновенно высказанный Н. Гоголем через Т. Бульбу), идеал братства по оружию, идеал спортивной доблести. Национальные идеалы женщины и мужчины, например, в русском и татарском культурно-образовательных пространствах. В японской культуре идеалом мужчины-воина выступает самурай, механизмом социокультурной идентификации — комплекс буси-до, а идеалом жизни — отрешенная смерть. Надо иметь в виду, однако, что идеалы могут контаминировать с возвышенной или со сниженно-упрощенной трактовкой — идеал мужчины может ограничиться идеалом мачо или идеалом «папика», идеал женщины (например, идеал пушкинской Татьяны Лариной или тургеневской Елены Инсаровой) может зажить идеалом стервы, идеалом женщины-вамп. В культурно-образовательном пространстве не только советского, но и российского образования долгое время бытовал идеал революционера. Был идеал русского поэта, писателя, ученого. Был некогда и идеал предпринимателя, однако не во всеобщем признании. Реанимирован он и сейчас (П. Третьяков и др.), но в настоящем ему примеров или аналогов нет (а жаль!).

Культурно-образовательное пространство является той самой матрицей сборки идеалов по вере, по культуре, по задачам сбережения национального языка как носителя национального культурно-исторического менталитета. В идеале оно должно быть целостно и непрерывно, но дискретно по уровням общественных ячеек и культурному назначению. Только в этом случае (в этом технологически материализуемом прообразе желаемого будущего) оно выполняет свое прямое, то есть воспитательное, назначение: связывать поколения в единую эстафету жизни народа, устраивать достойную всех и каждого нормальную жизнь, строить будущее, которое должно мыслиться светлым (проигнорируем возможную иронию на этот счет). Советуем скептикам поинтересоваться ролью, которую сыграл, да и сейчас продолжает играть якобы чисто пропагандистский образ «сияющего града на холме» в выстраивании единого куль-

турно-образовательного пространства школ, колледжей и университетов США. Будущее должно мыслиться светлым, иначе делаться реальностью, данной во всех ощущениях, будет бытовой сатанизм. Его антиутопия — по контркультуре веры и идеологии. Явью может стать и контркультура безумия, власть ничто, которое ничтожит; и, кстати, все предпосылки к этому в современном обществе уже *налицо*, однако проявлялись *всегда, но исподволь*. Вспомним вторую инквизицию во время пандемии чумы или перечитаем очередную сводку интернет-новостей про деяния героев новой геополитически черной «дыры» мира под названием ИГИЛ, посмотрим, как отрезают людям головы в режиме online, смакуя подробности и стирая все мыслимые и немыслимые прежде (то есть табуированные) грани между виртуальным и реальным, сетевыми веб-играми и идеалом реального киллера (когда-то называвшегося душегубом), дозволенным и недозволенным в демонстрации льющейся живой человеческой крови. Интернет вернул казни ее публично-средневековую театрализацию, идеалы убийцы-шахида (или шахидки) мутят культурно-образовательное пространство постсоветской Евразии. Умышленная дискредитация прошлого и его смыслов, вольная или невольная девальвация жизни поколений — обесценивание ценностей, это проверенная уже историческим опытом методология стирания будущего страны в сознании и поведении ее вступающего в жизнь населения, технология закрытия общества, ибо прошлое и будущее у общества симметричны.

Значение общественного воспитания в процессе формирования социокультурной, национальной и государственной идентичности граждан в приоритетах политики любого общества, не желающего самораспада и любого государства, не стремящегося к самоликвидации, первостепенно. Оно является целеполагающим фактором эстафеты поколений и создания позитивного, жизнеутверждающего образа Будущего Страны. Такой образ собирателен, он складывается из всех смыслов и ценностей, составляющих культурно-историческое пространство жизнедеятельности народа на протяжении, как правило, нескольких десятков или даже сотен поколений и является результатом национального консенсуса, без которого невозможно мыслить нормальное, социально безопасное существование каждого человека, ребенка или взрослого, его семьи, родственников и близких. Ни одно государство мира, ни одно общество, уважающее свое собственное достоинство, считающее себя культурным, цивилизованным или гражданским, не может существовать без установочных культурно-образовательных идеалов, связывающих в единое ценностно-смысловое целое настоящее, прошлое и будущее народа. На уровне субъективного опыта идеал — это квинтэссенция личностных смыслов, благоприобретенных человеком в процессе воспитывающего обучения со стороны семьи, общины, школы, армии, церкви и других социальных институтов.

В конце концов, именно верно понятая и социально инструментован-

ная, внутренне согласованная по целям и адекватная по моральным критериям и культурным ценностям система общественных идеалов способна вытянуть общество из трясины застоя и бедствий, куда его втянула «сила вещей» антагонистических противоречий предыдущей исторической эпохи. И это отнюдь не идеализм, не утопия и не антиутопия, как стало принято думать после 1991 года. Именно система общественных идеалов через миллионы ее субъектов-носителей лично, судьбоносно, то есть сквозь всю собственную личностную историю, выстраивает социокультурное образовательное пространство развития личности и коллектива принципиально нового творческого, созидательного типа, ранее невиданного в истории. Дать сильнейший посыл стремительного движения в будущее, который до поры до времени не удавалось остановить никаким внешним силам. Однако «ветер истории» будет попутным до тех пор, пока движение не затихнет в силу нарастания инерционности системы, появления управленческих сбоев и тормозов «общественного лицемерия», выхолащивающих и систему общественных идеалов, и систему ценностей, векторов и смыслов общественного воспитания. В итоге тяжелейший кризис полураспада культурно-образовательного пространства на долгое время ограничивает функции образования примитивной прагматикой и компрадорской практикой культивирования кадровых ресурсов нового поколения «на экспорт» — имеется в виду пресловутый процесс brain drain, утечки мозгов. «Наша страна» вытесняется уродливо-карикатурным, умышленно издевательским образом «этой страны», «нашей раши». В содержании ответов учащихся старших классов средних школ столицы заметны последствия размывания национально-государственной и социокультурной идентичности [7]. Не исчезает риск утраты социальной ответственности перед своей судьбой и перед будущим своего общества, на уровне личностных смыслов для кого-то переставшего быть своим: активен известный мем «где тепло, там и родина». Если нет смысложизненных ориентиров, то нет применения интеллектуальным компетенциям и творческим способностям. Выпускники, получившие такое образование и такую организационно-этическую культуру, мечтающие «свалить из этой страны», — это ли не общественное бедствие?

Духовное воспитание может быть безнравственным. Нравственное воспитание может быть бездуховным. Безнравственное воспитание может быть моральным (в соответствии с представлениями о морали, утвердившимися в определенных социальных слоях или прослойках современного общества — например, тотальный эгоизм, культ потребления, создана даже своеобразная эстетика предательства, этика обмана, кастового и корпоративного неравенства и т.п.). Из героизированной блатной морали в информационное культурно-образовательное пространство, делая его культурнонесообразным, идут потоки диссоциальных культурных стереотипов, тиражируемых частью интернет-блогосферы. Культурно-поведен-

ческий императив клики (точнее, императив-стереотип субкультурный, поскольку о культуре преступного мира говорить всерьез не приходится) — «судьба-индейка, а жизнь — копейка», «человек человеку — волк, а любые органы власти — псы легавые». В этом контркультурном пространстве (в типично асоциальном измерении) доминирующей мотивацией служит девиз «умри ты сегодня, а я — завтра!». Этот принцип в клике выше и частного, и общего блага, а все люди вообще делятся на «блатных» и «фраеров» (то есть на своих и чужих, лиц, принадлежащих и не принадлежащих преступному миру). В начале века XXI стоит еще раз оценить меру гражданского подвига А.С. Макаренки, показавшего путь к перевоспитанию членов клики в новом, человеческом культурно-образовательном пространстве, их превращению в коллектив граждан, товарищей, людей с подлинным достоинством и обостренным чувством социальной правды.

Что же касается апеллирования к высшим (трансцендентным) идеалам и ценностям бытия, отношения к миру, к месту человека в мире, то это и есть уровень собственно духовного, духовности, духовного воспитания. Его темы и предметы бытийны, переживаемы каждым человеком сугубо интимно, лично, то есть экзистенциально. В сферу непосредственных, сиюминутных материальных потребительских потребностей они как бы и не входят, но тем не менее самым мощным и великим образом проявляются в години тяжелых общественных испытаний и народных бедствий (войны), вполне показывая, что у каждого есть за его собственной душой. И никакое лицемерие — ни общественное (в форме фарисейства), ни личное (сделки с совестью) — тут не поможет. Это темы того, во имя чего стоит жить, что и как надо познавать, во что следует верить и на что можно надеяться. Идеалы — это темы долга, свободы, чести, совести, верности, веры и доверия, преданности и предательства, дружбы и вражды, любви и ненависти, мужества и терпения, милосердия и терпимости, греха и прощения, отщепенства и возмездия, раскаяния и покаяния. Здесь воспитание имеет дело с подлинной природой духовности, то есть с феноменом идолов и идеалов в воспитании как общественном явлении. Подлинные ценности и чувства жизни познать можно лишь в деятельности, превращенной в личностные цели, со сдвигом мотивации действий на цели жизнедеятельности, то есть, иными словами, через индивидуализацию коллективной деятельности, через личностное освоение и присвоение ее целей, мотивов, способов и средств. Все это составляет основу индивидуального подхода в современном образовании всех ступеней и уровней. Это труд (со всеми его «уровнями трудности» работы души и индивидуально-го разума) по опредмечиванию и личностному присвоению культурно-образовательного пространства.

Именно как родовая категория педагогики воспитание является функцией культуры во всем многообразии значений и содержательных смыслов этого понятия. В теории и практике современного общественного воспита-

ния задачи индивидуализации связаны с воспитанием субъектности ребенка, созданием как можно более благоприятных условий для формирования и становления его «самоличностного» начала, но опосредуются эти задачи традицией и культурной ситуацией общественного заказа на формирование совершенно четкого, ценностно оформленного и целостного культурно-образовательного пространства. В настоящее время воспитание как общественное явление ориентируется, во-первых, на принципиальную незавершенность своего процесса (что отвечает современной интерпретации идеологии непрерывного образования). Во-вторых, на полисубъектность его моделей (поликультурность). В-третьих, на доминанту субъектности участников педагогического процесса (герменевтика). *В культурно-образовательном пространстве программа общественного воспитания может разумно использовать практически все ресурсы и процессы разноплановой социализации.*

Кто конкретно выступает субъектом или субъектами культурно-образовательного пространства? Кто обычно закладывает идеалы в умы и в поведение, в мироощущение и мирозерцание новых поколений? Кто выступает субъектом изменения практики и (как правило, впоследствии) теории воспитания?

В определении лаборатории теории воспитания ФГНУ «ИСТО РАО» (Москва, 2013): «Субъект воспитания — источник воспитательной активности, носитель деятельности по созданию благоприятных условий для личностного развития ребенка. В качестве субъектов воспитания могут выступать как отдельные индивиды, так и группы» [3, с. 4]. Коллективными субъектами формирования культурно-образовательного пространства выступают, как правило:

— семья как основная ячейка общества (признается основным ответственным субъектом общественного воспитания в большинстве изученных национальных систем воспитания);

— гражданская община (community): фактически это община соседей, объединенная общими условиями повседневной экономической жизни и организованная на началах местного муниципального или сельского управления;

— церковь как религиозная организация — конкретно причт или община (кирха, синагога, мечеть и ее община — католический приход, евангелическое собрание, православный причт, мусульманская умма, буддистская сангха и т.п.);

— государство (в лице его системных социальных институтов, включая учреждения и организации государственной системы образования всех уровней и ступеней, а также дополнительного образования);

— научные и научно-исследовательские организации, финансируемые либо государством, либо университетами (феномен университетской науки и, соответственно, общественного воспитания, например, в Оксфорде или в Public Schools, или в колледжах Соединенного Королевства), либо

корпорациями и частными фондами (Heritage Foundation, Фонд Карнеги и проч.);

— официальные общественные организации и профсоюзы, поддерживаемые и/или финансируемые правительством (включая политические партии, обладающие статусом правящих на протяжении десятилетий своего существования);

— неофициальные национальные неправительственные общественные организации и профсоюзы, включающие в целом ряде типичных случаев организации оппозиции — как системной (в Великобритании, ФРГ, США, Италии и др.), так и внесистемной, также выступающие в качестве активных, а часто и влиятельных субъектов общественного воспитания;

— международные неправительственные общественные организации и фонды (non-governmental organizations, NGO-s в общепринятом в международной практике сокращении: к настоящему времени они приобретают все признаки и статусы субъектов общественного воспитания («зеленые» экологи, Красный Крест, волонтеры и т.д.).

Воспитание, таким образом, — это практически реализуемое мировоззрение, по наследству передаваемое через основные социальные институты и субъекты социализации (школа, семья, религиозная организация, учреждения культуры, учреждения дополнительного образования детей, молодежи и взрослых и т.д.). По словам А.А. Леонтьева, «овладение культурой предполагает знание некоторого набора или системы фактов о мире, владение некоторой системой ориентиров и умений, которые обязательны (в социально-психологическом смысле) для любого члена общества или социальной группы в сегодняшних условиях... этот “культурный минимум” обозначен термином культурный стереотип). Часть культурного стереотипа стабильна... другая часть находится в постоянном изменении» [5, с. 9—10]. Переменная составляющая культурного стереотипа в воспитании находится в постоянном напряженном педагогическом поиске, в вечном движении и апробации новых форм и инновационных моделей воспитания. Появляются новые группы педагогов, объединенные новым, инновационным по сути видом культурной деятельности с новыми идеалами — дальними прогнозами этой деятельности, формируются новации как варианты нормы педагогической культурной традиции, развивающей и преобразующей культурно-образовательное пространство села, города, региона. Именно эта трансляция идеалов и составляет повсюду в мире социальную основу национальных культурных форм воспитания. Культурные формы воспитания — это формы воспитания, укорененные в традициях данной конкретной культуры, а затем отображенные в национальной системе образования. При каждом реформировании образовательного пространства и внедрении в практику образования новых социокультурных институтов и учреждений культурные формы воспитания обязательно дают любым инновациям «поправку» со скидкой на существующие в данной

культурной традиции формы педагогического менталитета. А формы педагогического менталитета обязательно имеют дело с ценностными комплексами, именуемыми идеалами. Более того, исходят из этих комплексов идей при апробации любой новой педагогической практики. Система идеалов является знаковыми вехами культурно-образовательного пространства, а без личностных смыслов эти вехи превращаются в пустые фишки, в безличностные фикции «бумажной архитектуры». Именно личностными смыслами, а не абстрактными значениями, по определению А.А. Леонтьева, определяется воспитание человека. Принцип смыслового отношения к миру является интегральным критерием, объединяющим все объективные значения предметной деятельности и отношения субъекта, постигающего окружающей его культуры. Это не только базовые идентификационные вопросы «Кто мы? Какие мы? Откуда мы? Куда идем?», но и воспитание определенного иммунитета к взглядам, оценкам и мнениям, ведущим к негативной социальности, к десоциализации личности учащегося, а следовательно, и к ее деперсонализации. На уровне субъективного опыта идеал — результат индивидуализации в образовании, это квинтэссенция личностных смыслов, приобретенных человеком в процессе воспитывающего обучения со стороны семьи, общины, школы, техникума, армии, церкви, библиотеки, Интернета и других социальных институтов. Иными словами, идеал творит форму воспитания, которая опирается на культуру как мировоззрение и как культурный стереотип. Индивидуальный подход в образовании эффективен тогда, когда воспитание идеально отражает и практически воплощает ту или иную культурную форму воспитания с ее характерным набором экзистенциальных и социокультурных ценностей, этических смыслов, эстетических идеалов, поведенческих норм и культурных стереотипов. Такие опыты жизни в первичном коллективе и опыты воспитания через школьные коллективы (опыт — то, что прожито и пережито в событии, а не в «мероприятии», — не забывается, ибо обладает личностным смыслом) и составляют сегодня, по нашему мнению, основу индивидуального подхода в образовании. Уместно сказать и о ценном российском опыте воспитания на сохранении идеалов и ценностей родного края, малой родины, что позволило в конечном счете сберечь и восстановить общепатриотическое чувство и идеал Большой Родины — России.

Формирование единого культурно-образовательного пространства России, эмоционально и интеллектуально насыщенного, проникнутого нравственными идеалами и жизненными смыслами, является, пожалуй, самой актуальной, приоритетной задачей современного образования и системы общественного воспитания. Тема воспитательного идеала приобретает тем большую актуальность, чем содержательнее, полноценнее и технологичнее формируются стратегические планы и практические ценностно-смысловые ориентиры общественно-государственного строительства евразийского союза. Чем эффективнее эти планы транслируются в сферу образования,

науки и культуры, в культурно-образовательное пространство, сохраняющее и развивающее культурно-историческую преемственность, содержащее многообразие в единстве целостной российской цивилизации как феномена всемирной истории. Формирование социокультурной идентичности гражданина России (а в близкой перспективе и гражданина евразийского союза) может успешно идти через опыты самовоспитания чувства языка, изучения родной речи, национальной гордости причастности к родному языку и его традициям, культуры речевого общения, воспитания чувства гражданского и воинского долга, бескорыстного чувства социальной ответственности, воспитания чувства любви к родной земле и заботы о ней, о людях, на ней проживающих, воспитания культуры этикета, целомудрия, человеческого достоинства, социальной ответственности, воспитания ценностей культуры жизни в полиэтническом сообществе, понимания прошлого, настоящего и будущего российской исторической общности, навыков добрососедства, непримиримости к расизму и ксенофобии, понимания иных культурных традиций и духовных корней, межнационального общения, взаимовыручки и дружбы, интернационального воспитания в классе, в семье, в городе и селе, воспитания убеждения, что Россия является домом, объединяющим общностью судьбы все народы, ее населяющие [7, с. 22]. Отметим, что такие опыты уже удачно (целостно) представлены на всероссийских конкурсах воспитательных систем «Воспитать Человека» (2013) и «Растим патриотов» (2014). В них представлена жизнедеятельность российских школ практически всех субъектов Российской Федерации и их содружество с семьей и социальными институтами.

В новую целевую научную программу образования, вырабатываемую педагогическим сообществом ученых и практиков современного обучения и воспитания, на основе опыта развития интеграционных схем в пространстве образовательных систем евразийского союза, может быть введен методологический анализ понимания феномена индивидуализации, работа с понятийным аппаратом социализации и воспитания в современных социальных условиях. Туда же могла бы войти разноуровневая и многоцелевая разработка средств, методов и форм корректной оценки дидактических составляющих, мировой информационной культуры. Полезной была бы разработка методики комплексного анализа факторов дегуманизации и десоциализации человека применительно к образовательной среде и к воспитательному пространству. *«Что сегодня стирает личность?»* — этот вопрос приложим и к практике, и к перспективам индивидуализации в образовании. Другой вопрос — еще более важный (тоже пока остается без ответа и является насущной темой объединенной работы педагогов страны): *«Что сегодня в широком смысле воспитывает личность (и какую именно)?»* Продуктивно исследовать и решать оба вопроса вне новых разработок содержания и методов индивидуализации в образовании автору не представляется возможным.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-Пресс, 2011. 384 с.
2. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ; CORPUS, 2013. 512 с.
3. Концепция и модель оценки качества воспитания в системе общего образования: Научно-методическое пособие / Под ред. Н.Л. Селивановой, П.В. Степанова. М.: НОУ Центр «Педагогический поиск», 2013. 96 с.
4. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл. 2001. 392 с.
5. *Леонтьев А.А.* Педагогика здравого смысла // Школа 2000... Концепция и программы непрерывных курсов для общеобразовательной школы / Под науч. ред. А.А. Леонтьева. М., 1998. Вып. 1. С. 9–23.
6. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
7. *Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В.* Формирование национально-государственной идентичности московских школьников. Приложение. Беляев Г.Ю. Рецензия на статью Т.В. Евгеньевой и В.В. Регнацкого // Ценности и смыслы. 2015. № 2 (36). С. 5–16, 16–22.
8. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.